

Гибельный восторг о «ДОРОГЕ ПЕРЕМЕН» РИЧАРДА ЙЕЙТСА

Анна Наринская

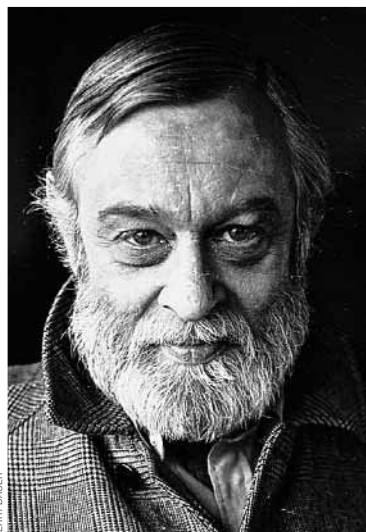

ВЫХОД русского перевода романа Йейтса с очевидностью был приурочен к российскому прокату фильма, который снял сделавший в свое время «Красоту по-американски» Сэм Мендес. Составившуюся таким образом пару необ-

ходимо разбить. Так что скажем сразу: книга гораздо лучше фильма. Во всех отношениях, но лично меня больше всего задевает вот что: создатели экранизации во многом обращаются с текстом Йейтса как литературный критик — они разъясняют. То есть показывают, что имел в виду автор. Что он, в сущности, хотел сказать своей книгой. Для этого за кадром играет выразительная музыка, герои усиленно жестикулируют, а также произносят дополнительные исповедальные монологи, которых Йейтс не мог бы написать в принципе. Не мог потому, что его проза представляет собой пример писательской сдержанности, почти минимализма. Удивительный пример того, как, рассказав бытовую историю, почти не уделяя внимания предметным деталям, не погружаясь в философствования и практически не занимаясь препарированием психики своих героев, автор создает картину времени, работающую лучше любых документальных фильмов, и картину души, и сегодня ни на грамм не потерявшую актуальность. А исполненная эмоций и сентенций ретрокартина Мендеса по сравнению с этим выглядит грубой и простоватой.

Ричард Йейтс родился в 1926 году в городке Йонкерс, граничащем с нью-йоркским районом Бронкс. События его детства и юности выглядят планом будущих произведений. Родители развелись, когда ему было три. Во время Великой депрессии мальчику вместе с матерью пришлось кочевать с места на место. В 1944-м Йейтса призвали в армию, он воевал во Франции, служил в оккупированной Германии. В армии Йейтс заразился туберкулезом, потом получил инвалидность, потом вернулся в Америку, потом женился. Чтобы прокормить семью, он подрабатывал чем только мог — например, написал несколько речей для сенатора Роберта Кеннеди. В 1959-м жена ушла от него, выиграв по суду опеку над их двумя дочерьми.

В 1961 году в свет вышел первый роман Йейтса «Revolutionary Road» — его у нас сейчас и напечатали под названием «Дорога перемен». Этот перевод названия, надо сказать, полностью уничтожает его многозначность: Revolutionary Road — не только метафора того, что происходит, вернее, могло бы произойти с героями книги, но и просто название улицы в поселке в Западном Коннектикуте, где они живут. Хотя тут переводчика Александра Сафронова обвинять не приходится — эта игра слов, похоже, действительно, непереводаема. Куда более обидно наблюдать, как он старательно пытается справиться с другими трудными задачами вроде адекватного перевода нью-йоркского сленга, заставляя героев Йейт-

JERRY BAUER

РОМАН — И ЭТО ДАЖЕ ВАЖНЕЕ ВСЯКИХ ЛУЧШЕ/ХУЖЕ — НЕИЗМЕРИМО ЖЕСТЧЕ И СТРАШНЕЕ ФИЛЬМА

са произносить такие тирады: «Да уж, мозгоправы прибалдели бы от меня... Ну прям тебе гнездилище психов».

В год выхода «Revolutionary Road» вошел в финальный список престижной Национальной книжной премии (вместе с «Ловушкой-22» Джозефа Хеллера и «Киноманом» Уокера Перси), критика единодушно заявила, что в американской литературе появилось новое большое дарование, а знаменитые писатели — Курт Воннегут, Дороти Паркер, Уильям Стайрон, Теннесси Уильямс и Джон Чивер — признали, что их полку прибыло. Но ни эта, ни одна последующая книга Йейтса не продалась тиражом более 12 тыс. экземпляров, что совсем немного для американского книжного размаха. Со смерти Йейтса в 1992 году его книги не переиздавались — до нового всплеска опять-таки критического интереса к «забытому писателю» в начале двухтысячных. По идее фильм Сэма Мендеса призван перевести этот «интерес в узких кругах» в интерес массовый. Но проблема здесь вот в чем: этот фильм и есть массовый вариант книги. Те, кому понравится экранизация, книгу, скорее всего, не полю-

бят. Роман — и это даже важнее всяких лучше/хуже — неизмеримо жестче и страшнее фильма. Йейтс вообще, может быть, самый жесткий писатель, взявшийся вести летопись «безнадежной пустоты» существования провинциальной Америки. Незамутненную прямоту его взгляда не искажает ни ирония, приущая его современнику Джону Чиверу, ни поэтичность, свойственная его последователю Реймонду Карверу. И хоть герои Йейтса вполне обаятельны — симпатичные супруги, принявшие волнующее решение перебраться из удушливой американской провинции в блистательный Париж, — зерно их гибели заложено в них с самого начала. Они — это важно — отнюдь не являются жертвами социальных условий или обстоятельств. Они сами и есть эти обстоятельства. Их ошибки неотменимы, как и их катастрофа. Подобно античным трагикам, Йейтс, поставив своих героев на исходные позиции, отходит в сторону и наблюдает за ними со стороны. Древние отдавали своих персонажей на волю рока. Йейтс тоже. Только рок его героев — это они сами.

СПб.: Азбука-Классика, 2009